

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. А. СЕМЕНОВ

БУХАРСКИЙ ТРАКТАТ О ЧИНАХ И ЗВАНИЯХ И ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ НОСИТЕЛЕЙ ИХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЕ

Переводы и объяснения административных терминов, бывших в обиходе среднеазиатских государств, всегда составляли камень преткновения для историков и ориенталистов, поскольку детали государственного устройства и функции правительственного аппарата в среднеазиатских ханствах оставались весьма плохо изученными. В частности, это относится к средневековой и к позднейшей Бухаре. Когда нужно было привести название того или иного должностного бухарского лица, то обычно его местное название или оставалось совсем без объяснения, или даваемое объяснение часто не соответствовало действительности и вводило в заблуждение.

Я позволю себе в виде примеров привести объяснения нескольких подобных слов, кстати, взятых из позднейших трудов: دادخواه (дадха) — „судья (в Средней Азии)“:¹ в Средней Азии этим термином никогда не назывались судьи; „аталыки, аталики — высокие должностные лица, высшее, после ханского, достоинство в Бухаре; правитель города“;² — что очень туманно и, кстати, правитель города в Средней Азии никогда не назывался аталыком: „иначе — титул старшин узбекских племен; в Бухаре — высший военный чин, следующий после кош-беки, т. е. князя ханской ставки, позднее — визиря, первого министра; в Хиве — старший инак, игравший роль западноевропейского майордома“;³ — старшины узбекских племен в Средней Азии не титуловались инаками, а это утверждение относится к Хиве и взято из словаря Л. Будагова; должности кош-беки никогда в Бухаре не существовало, а куш-беги никогда не был князем (?) ханской ставки, даже по смыслу слова куш-беги,⁴ и т. п. Между тем отчетливое представление о компетенции каждого чина, на основе документальных указаний эпохи, является, несомненно, одной из важнейших предпосылок правильного понимания государственного устройства в среднеазиатских ханствах.

К числу крайне важных документов такого рода принадлежит бухарский трактат, ниже даваемый в русском переводе с соответствующими примечаниями; он посвящен перечислению должностей в Бухаре с ука-

¹ А. Гаффаров. Персидско-русский словарь, т. II, М., 1927, стр. 940.

² Мат. по ист. узб., тадж. и туркм. ССР, ч. I, Л., 1932, изд. Инст.-археол. инст. и Инст. востоков. АН СССР, стр. 451.

³ Там же, стр. 453.

⁴ Это невозможное объяснение в цитируемом источнике взято из статьи акад. В. В. Бартольда „Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в.“ Зап. Инст. геогр. по отд. этногр., т. XXXIV, стр. 301—303, без ссылки на эту статью.

занием обязанностей каждого чина. Трактат этот взят из рукописи Гос. Публ. библ. УзССР, за инв. № 2374 и представляет собой сборник записей и разных извлечений мемориального порядка, сделанных последним бухарским верховным судьей (кәзй-калән), Шарифджан-махзумом (ум. в 1934 или в 1935 г.). Среди таких записей имеется и текст упомянутого трактата, занимающий лл. 17а—19б. Запись сделана стальным пером скорописным, часто не отчетливым, бухарским наста'ликом; особенно это касается лл. 18а—19б, писанных другою рукою, чем л. 17. В конце записи есть пометка, что все это взято из книги مجمع الارقام (Сборник цифр), составленной Мирзой Бедй'-„диваном“. В Гос. Публ. библ. УзССР имеется уникальная рукопись этого труда (инв. № 2463), но именно переводимого мной, не везде исправного, текста в ней не оказалось, и сличить его с этой рукописью не пришлось. В конце рукописи مجمع الارقام имеется пометка: تذييل در بيان عملات و دخلداران, т. е. „добавление (к сему) относительно объяснения должностей и (лиц), имеющих к ним касательство“. Можно думать, что это добавление, не написанное переписчиком рукописи, заключало тот же текст, что и в записи покойного Шарифджан-махзума.

При переводе текста, писанного сжатым канцелярским языком, я позволил себе передать его содержание более распространительно в целях понятности и удобочитаемости, а так как в нем имелись некоторые специально бухарские слова и выражения, в словарях обычно отсутствующие, то рядом с переводом их я давал и их начертания по подлиннику. Обилие примечаний вызывалось тем обстоятельством, что мне хотелось наиболее подробно осветить перевод этого столь важного текста, особенно в той его части, которая трактует об орошении земель Мианкаля водами Зарафшана на пространстве от Кермине до Кара-кула включительно. Я останавливался иногда на том, какое название в позднейшее время имел тот или другой туман, чтобы легче ориентироваться с топографией даваемого текста. В этом отношении значительную помощь оказал мне объемистый труд المطالع الفاخره والمطالب الظاهره (Великолепные восходы и ясные цели) Муллы Абдурахмана Темкина Бухари, в котором много места отведено описанию всех десяти позднейших пригородных туманов Бухары.¹

Что касается вопроса, к какому времени относится составление этого текста, то следует отметить, что, если он заимствован из того труда مجمع الارقام, который имеется в Гос. Публ. библ. УзССР, то его можно отнести к XVIII в., потому что в مجمع الارقام в одном месте (л. 5б) упоминается г. Бухара и ее окрестности с датой 3 Шаввала 1210 (1 апреля 1797 г.). Следовательно, с известной вероятностью можно предположить, что в то время упоминавшиеся в этом тексте должности (по крайней мере многие) сохраняли все свое значение. Известное подтверждение этому мы находим в среднеазиатских трудах по истории узбеков за XVII и XVIII вв.; так, в труде конца первой половины XVII в. بحر الاسرار (Море тайн), Махмуда б.-Вали, мы находим должности: накиба, сидевшего в собраниях слева от хана, шейх-ул-ислама, занимавшего первое почетное место, садра и другие, упоминаемые в нашем трактате.²

¹ Я пользовался этим уникальным трудом, представленным автографом автора, благодаря любезности его владельца т. Хамидова, за что приношу ему свою благодарность. Название местностей я передал в современном бухарском произношении. Я не касался в примечаниях, как преломились в административном укладе позднейшей Бухары некоторые из должностей, упоминаемых в нашем тексте потому, что позднейшему административному строю Бухары я посвящаю специальную работу.

² См. упомянутую выше работу акад. Бартольда „Церемонии при дворе узбекских ханов в XVII в.“, где покойный учевый некоторые должности или неправильно понял,

У Мухаммед-Йусуфа „мунши“, автора *تاریخ مقیم خانی* (Муким-ханова история) и у Мир-Мухаммед-Амин-и Бухари, в его *عمید الله نامه* (История Убайдулла-хана), мы видим, что в их время куш-беги не был еще первым министром ханства, каким он стал в XIX в. Одно время Убайдулла-хан (1114/1702—1123/1711) предоставил эту должность великому инаку, соединив две должности в одном лице (Тюря-кул-бия), причем, кажется, тогда впервые было прибавлено к титулу и званию куш-беги арабские кулл — весь (куш-беги-йи кулл, куш-беги всего, т. е. куш-беги с подчинением ему всего), а вскоре, чтобы придать большее значение названному выше лицу, по желанию хана, слово кулл перенесли с конца и прибавили в начале — кулл- и куш-беги, каковая титулатура сохранилась и при мангытах до (1920 г.), когда „начальник государевой охоты“ или „верховный ловчий“ (обер-егермейстер) стал по существу премьер-министром. Инак при аштарханидах являлся хранителем ханской печати и исполнял те же функции, которые указаны в нашем трактате; с теми же функциями существовали мушриф и диван-беги (уже не называвшийся диван-и-серкар, как в нашем трактате) и пр.¹ В труде второй половины XVIII в. *تحفة الخانی* (Ханский подарок), Мухаммед-Вафа Керминегі, имеются подробности о распределении должностей и мест в тогдашней узбекской Бухаре, причем в числе должностей мы находим и упоминающиеся в даваемом мною переводе; не обозначается лишь существование их власти и компетенция.

Было бы, разумеется, неправильным полагать, что все эти должности, чины и звания возникли в эпоху шейбанидов, так как общая картина иерархической лестницы служилого сословия Бухары носит характерные черты более отдаленных времен: так, например, должность парваначи существовала уже при Шахрухе (807/1404—850/1447).² Проследить по историческим и другим памятникам даваемые нашим трактатом сведения о чинах и должностях прежней Бухары с указанием на ту эволюцию, которую испытали некоторые из них за свое многовековое существование, было бы очень полезной работой не только для одних историков.

Большую помощь разными сведениями и консультацией по настоящей работе оказал мне покойный научный сотрудник Гос. Публ. библ. УзССР, т. Адилов, имя которого вспоминаю с благодарностью.

ПЕРЕВОД

„Знай, что государи Мавераннахра, в согласии с блестящим шариатом, установили четыре должности почитаемых ученых и сейидов, помимо должностей правительственных лиц. Первая из них — судьи (قاضاء), высший среди них шейх-ул-ислам, к которому апеллирует верховный судья (قاضی القضاة), будучи связан его решениями; поэтому по своей должности [шейх-ул-ислам] стоит выше, чем верховный судья.³ Следующий за шейх-ул-исламом идет верховный судья, к которому обращаются с апелляцией [все], который является главою юрисдикции

основываясь только на переводе обозначавших их терминов, или затруднился их объяснить.

¹ См. списки *تاریخ مقیم خانی* в Гос. Публ. библ. УзССР за инв. № 609/II, 615/II, 789, 1519.I, 1531, 1691/II, 1738 — 1364/II и 1967 и *عمید الله نامه*; там же за инв. № 605/II, 606 I, 1532 и 1533.

² См.: *حبيب السیر*, Хондемира, ч. III, т. 3, Тегеран, 1271, стр. 213.

³ В XIX в., по крайней мере во второй его половине, должность шейх-ул-ислама в Бухаре совершенно утратила такое значение и его функции были очень скромные; об этом см. подробности в моей работе: „Очерк поземельного, податного и налогового устройства б. Бухарского ханства“, Ташкент, 1929, стр. 13.

также и военного сословия и начальником таких великих людей, как войсковой судья (قاضى عسكرى); он выше, чем все военные и простой народ (فقراء). Последним является войсковой судья, к которому обращаются за решениями военные, для коих он является главою судебных решений. Вторая должность муфтия, из коих высший носит название „а'лама (اعلم)“ т. е. ученейшего; они занимаются составлением юридических решений (фетва) для народа. За аламом следует войсковой муфтий (مفتى عسكرى), в компетенцию которого входит составление юридических решений по военной части, особенно во время походов и поездок в другие области потентата государства (من له ولاية). При поездке же войскового судьи и войскового муфтия в [ту или иную из] областей, судья этой области отставляется от своей должности помимо [всякого] разрешения государя, как это обычно принято.¹ Третья должность — должность наблюдающих за правильностью мер и весов, за соблюдением установленных цен и исполнением религиозных обязанностей (احتساب). Если мухтасиба² не будет из числа сейидов, то в том городе [где ему должно быть], допускают и не сейида исполнять обязанности по части побуждения [обывателей] к добрым делам и [удержания их] от совершения запретного.

Четвертая должность — преподавательская. Если некоторые лица оказались бы в данное время не пользующимися известностью [как ученые], но большую часть своего времени тратят на преподавание студентам наук, они могут быть утверждаемы в должности мударриса.³

Четыре других занятия, кои его величество, государь, сделал специальною принадлежностью лиц сейидского происхождения, начиная с первого из них до настоящего времени [следующие]. Один — занимающий самый высокий пост, ибо ему препоручено управление Джуйбаром⁴ как с внутренней, так и с внешней стороны. Временами, помимо этого управления, некоторых сейидов [государь] утверждает также и на [другом] посту.⁵ Второй накиб (نقيب), который, будучи компетентен в устройстве, снаряжении и расположении войска во время похода, передвижения и войны, и осведомлен об авангарде и аррьергарде, о правом и левом флангах, о центре и о месте засады, не допускает достойного (или пригодного) для определенной должности человека к исполнению неподходящей для него. Третий — великий урак (اوراق كلان), исполняющий обязанности мухтасиба, сообразно священному шариату, между сейидами,

¹ При приезде войскового судьи и войскового муфтия в район или область, подведомственную в правовом отношении местному окружному судье, последний на все время пресъятия указанных лиц в его районе перестает исполнять свои функции без всякой санкции высшей власти, ибо так исстари принято, и функции местного судьи переходят к войсковому судье, а местного муфтия — к войсковому муфтию.

² В Бухаре, впрочем, термин *мухтасиб* не был в ходу: его заменял термин *раис* (глава, начальник), употреблявшийся в обиходе и в местной литературе.

³ Т. е. преподавателя высшей конфессиональной школы, медресе.

⁴ Джуйбар — местность на запад от г. Бухары, орошенная каналом Шах-руд (Шах-р-руд), который протекает и через город. В Джуйбаре обитали так наз. „шейхи Джуйбары“ или джуйбарские ходжи, в XVI в. получившие широкую известность даже за пределами Средней Азии. О них см.: В. Л. Вяткин. Шейхи Джуйбары; сб. „В. В. Бартольд“, Ташкент, 1927, стр. 3—19. За последний период существования Бухарского ханства при мангытах, джуйбарские ходжи жили в Бухаре к западу от арка, занимая 16 кварталов (гуваров); каждый квартал имел примерно 100 домов, если считать в каждом по пяти человек, то общее число ходжей доходило до 8000 душ обоего пола (по данным т. И. Адилова). Эти потомки (ходжи Ислама и предшествовавших ему дервишских шейхов Джуйбара) ни к какому ордену дервишей не принадлежали; из них формировались кадры а'ламов, шейх-ул-исламов, чиновников (аммалдоров) и военных (сипохинов).

⁵ Автор повиданному хочет сказать, что бывали времена (как за последнее время), когда фактически никто не бывал назначаем управлять Джуйбаром, и сейидам, достойным занять этот пост поручались другие дела

что находятся среди войск. Четвертый ведает делом, относящимся до ордена накшбенди:⁷ ему поручено управление орошением избыливающего сиянием мазара.⁸

Четыре других должности таковы, что они не являются специальной привилегией некоторых перед другими: напротив, они могут поручаться государем любому ученому, сейиду, узбекам и другим, кого он находит для сего подходящим. К этим должностям относятся: мир-и-асади (میر-اسدی), файзи (فیضی), садр (صدر) и судур (صدور). Что касается файзи, то таковым может быть ученый или сейид; ему поручается наблюдение за правильностью мер и весов, за соблюдением утвержденных цен и исполнением религиозных обязанностей вне города священной Бухары и вне [стоянки] войск. Мир-и-асади тоже может быть и ученый и сейид; ему предоставлена должность мухтасиба сейидов, проживающих внутри города Священной Бухары и вне его, на расстоянии до одного фарсанга. Что касается [должности] садра, то он ведет учет и проверку (محاسبات) вакфов, находящихся внутри рабаза (ریض) Священной Бухары [на пространстве] до одного фарсанга.⁹ Судур же ведет учет и контроль вакфов, находящихся вне сего.¹⁰

Переходя к занятию людей пера (اهل قلم), от которых зависит все,¹¹ то [следует отметить], что больших постов в этом сословии тоже четыре.

Первый — великий диван (دیوان کلان), который является заведующим высокими дефтерными записями¹² относительно танхо (تنخواہ),¹³ тилгу¹⁴ (تیلگو) и др.

Второй — мушриф (مشرف), на обязанности которого лежит запись жалуемых государем вещей вроде щитов (جیبہ), кольчуг (جو شن) и полного комплекта платья (سرو پا) и прочих предметов [высочайшего] внимания. Третий — дефтердар (دفتردار), который завершает главную запись,

⁷ Орден дервишей — накшбенди (явуче накшбендийэ), или по местному названию ходжагон, был одним из самых распространенных в Средней Азии.

⁸ Т. е. мазара — патрона Бухары, шейха Бахауддина накшбенди (ум. в 790/1338 г.); этот мазар находится к северо-востоку от г. Бухары в 10,5 км в сел. Бахоуддина, (по местному произношению); в прежнее время привлекал множество богомольцев из разных мест Бухары.

⁹ Рабазом называются предместья города, которые занимают весьма значительное пространство.

¹⁰ Вне совокупности того, что составляет столичный город, т. е. арк или кремль, шарихстан или город в собственном смысле и рабаз или предместья.

¹¹ Применительно к нашей терминологии люди пера — канцелярские служащие или приказные, по терминологии Московской Руси. Покойный акад. Бартольд этот термин понимал как обозначение представителей бюрократии, бюрократической системы (Туркестан, II, стр. 238).

¹² В тексте دفاتر عالی. Я не решился перевести слово дефтер ни как книга, ни как тетрадь, потому что эти записи (хранившиеся в большой тайне — они отражали все приходо-расходные операции государственной власти ханства), представляли данные свитки (тумор по-бухарски).

¹³ Танхо (или тенгах) — буквально „сумма денег“, „наличные деньги“; в бухарской же поземельно-податной терминологии означало пожалование офицеров и чиновников землею на правах аренды, т. е. как дополнительное к денежному натуральное довольствие. Об этом подробности см. в моей работе „Очерк поземельной подати и налогового устройства б. бухарского ханства“, Ташкент, 1929, стр. 30, сл.

¹⁴ В рукописи слово „тилгу“, „тилку“ сначала было написано одним почерком, как تیلگو (тилгу или тилку), потом это было зачеркнуто другими чернилами и рукою другого лица, продолжавшего отсюда рукопись, написано (تیلگو). Точное значение этого термина мне неизвестно и знакомые бухарцы объяснить его мне не смогли.

Я склонен предположить, что в рукописи вкралась ошибка и вместо تیلگو билгу — написано тилгу (тилку). Термин билгу, судя по объяснению в مجمع الارقام (л. 18а6), обозначал чек или берет на получение с тумана известной суммы денег или зерна в натуре, каковой документ скреплялся печатями соответствующих правительственных лиц, вроде великого дивана, диван-беги кабинетских имуществ и, наконец, самого главы государства.

принимая во внимание, что скостить или изгладить из нее, а что ратифицировать. Четвертый — диван потанабных поступлений (دیوان طنابانده), который отвечает за учет сборов с хараджных земель, называемых муазаф (اراضیء خراجیء مؤظف), поступающих весной и осенью,¹⁵ за доходы и расходы с них, согласно распоряжениям высокого правительства.

Четыре других должности и того же сословия таковы.

Первая — личный секретарь (мунши — منشی),¹⁶ на обязанности которого лежит писание жалованных грамот (عنایت نامه), записок с испрошением молитв, с уведомлениями о состоянии здоровья, служебных записок с выражением воли или желания эмира или хана (خواهش نامه),¹⁷ ярлыков об утверждении в должностях, чинах и званиях разных лиц или о поручении им тех или иных обязанностей (تولیف عملات) и пр.

Вторая — городской арбаб (ارباب درون شهر) — арбаб внутри города, который следит за общественными работами по очистке оросительного канала (حشور رود),¹⁸ за сбросом подпочвенных вод (زه کشی) и,¹⁹ если случайно последует распоряжение, исполняет поручение по сбору налогов (или по заполнению городских водоемов водой).²⁰

Третья [должность] — диван по делам арабов (проживающих в ханстве, так наз. دیوان عربخانه);²¹ он ведет переписку по делам, возникающим среди арабского народа, [например] переход или зачисление в иррегулярные войска (از نوکر شدن), переход или переселение в число подданных другого района (از فقراء کردن), уплата налогов, вызываемых чрезвычайными обстоятельствами (جعل) и пр.

Четвертая должность — диван подробной отчетности (دیوان نو جیه)²² На его обязанности лежит дать подробную отчетность в том, что занесли

¹⁵ Сбор харадж-и-муазафа взимался обычно дважды в год, весной и осенью. См. подробности в упомянутой выше моей работе „Очерк поземельно-податного и налогового управления в Бухарском ханстве“, стр. 22, сл.

¹⁶ Мунши — вообще значит секретарь, но здесь, сообразно с перечислением его функций (исполняемых по распоряжению potentата страны), термин этот обозначает личного секретаря последнего.

¹⁷ Что касается упоминаемых здесь эмирских или ханских записок с обращением за молитвами, то таковые относились к особо почитаемым шейхам или ишанам суфийских орденов; записки, в которых владетель ханства милостиво уведомлял о своем благополучии во всех отношениях, относились к равным знатым лицам и первым чинам страны, вроде верховного судьи, наместника той или иной области и пр.

¹⁸ Разумеется, канал Шах-руд (древний Зар-руд или Руд-и-зар), прорезывающий г. Бухару.

¹⁹ Термин „зах“ в Средней Азии означает подпочвенную воду, которая для г. Бухары с окрестностями составляет большое зло: в редком месте нельзя не натолкнуться при равных земляных работах на подпочвенную воду на близком расстоянии от поверхности земли; поэтому искони старались удалить эту воду, во избежание сырости в помещениях, путем отвода ее особыми каналами (захкаш) за город, на поля и бахчи. В других местах такие каналы для отвода подпочвенных вод назывались джуи-и-захбар (جوی زهبر), как это, например, мы встречаем, в вакф-наме от 1270/1854 г. мечети кв. Чихил-Кар сел. Телау (б. Телауской волости Ташкентского у.); см. дело позем. подотд. Сыр.-дар. обл. правл., № 116/1892 г., хранящееся в Центр. арх. упр. Узб. ССР: О вакфах 11 мечетей в Теляуской волости, лл. 8—11.

²⁰ Я затрудняюсь передать здесь, в каком именно смысле употреблено в тексте арабское слово جبایا от ед. ч. جبایه, ибо это слово означает и „взимание налогов“ и „заполнение водоемов водой“; теперешние же бухарцы этого слова, — в применении к обязанностям городского арбаба или, в просторечии, ноиб-и-раиса — не знают. Так как заполнение водоемов города происходило регулярно три раза в течение месяца (если бывала вода, а то были случаи, что по 2—3 месяца вода в водоемах не менялась), и для такого заполнения никакого каждый раз специального распоряжения не требовалось, то, можно думать, что здесь речь идет о сборе налогов.

²¹ Собственно чиновник, ведающий канцелярией по делам арабов.

²² Термин тауджих собственно обозначает запись подробных данных о жаловании и довольствии служащего лица, с подробным обозначением его имени, служебного

в свои кассовые записи (آوار چه) дефтердар и диван потанабных поступлений.

Существуют также четыре других должности. Первая — библиотекаря, который ведает приемом сочинений, написанных и представленных учеными богословами, писателями и поэтами [на высочайшее воззрение], после того, как они собраны и одобрены государем, равно [на его обязанности лежит] ремонт книг высочайшей библиотеки. Вторая — бахши (بخشی), который ведает приходом и расходом сумм кутвāла (کتوال),²³ отпускаемых на сооружаемые высоким правительством здания. Третья — диван конского снаряжения специального царственного назначения, ²⁴ دیوان سیسی خانة خاصة شریفه существующий для записи лошадей [вообще], верховых коней и вьючных лошадей,²⁵ лошаков, седел, уздечек (حبیدوقها),²⁶ нагрудного узла (کوبند) и султана на голове коня (حبیغه),²⁷ чепраков (کچیم),²⁸ наседельников (رومی کشی),²⁹ запасных, под стремнем, шашек (شمشیرکابی)³⁰ и прочих предметов. Все они подробно пере-

положения, племенного происхождения и т. п. (см. подробности об этом в المجموع الارقام л. 7а6). Отсюда книга или свиток этих записей, составившихся по строго определенной форме, именовались دفتر توجیه, что довольно точно может быть переведено нашим бухгалтерским термином „Книга лицевых записей“.

²³ Должность Кутвāла за последнее время в Бухаре не существовала, но в бытность Н. В. Ханькова в Бухаре, в начале 40-х годов XIX в. кутвāл (которого он называет катаул) еще существовал с функциями наблюдателя за эмирскими постройками (Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 186). О нем см. дальше.

²⁴ Собственно, чиновник, ведающий канцелярией конюшей части.

²⁵ В тексте стоят термины اسپ سوارى و پیر تلى; последний из них اسپ-и-партал (общеупотребительный до сих пор в Бухаре, обозначает лошадь, ходящую под вьюком: когда всадник едет налегке, за ним следует лошадь, везущая его снаряжение). Этот последний термин соответствует термину бабу — بادو, употребляемому в том же значении в Афганистане и Индии. Судя по словарю Сулеймана эфенди لغت جغتای و لغت عثمانی (Константинополь, 1928, стр. 90), слово партал (پرتال) — джагатайское и означает вещи, платья, верблюжий и лошадиный вьюки.

²⁶ Джабдук (таково именно бухарское произношение) означает уздечку полностью, т. е. с удилами, с налобником и теми идущими от нее и падающими по бокам головы коня ремнями, украшавшимися золотом, бирюзой и драгоценными камнями, кои именовались зулф (زلف). Каждому чину присваивалось определенное число таких зулфов (в частности, эмирский конь имел, помнится, 13 зулфов), отличавшихся длиной и шириной от зулфов прочих правительственных лиц; отсюда было выражение — джабдук-и-дудзулфа, джабдук-и-сизулафа и пр., т. е. уздечка о двух зулфах, уздечка о трех зулфах и т. п.

²⁷ Термин гирих банд обозначает то соединение (узел) на груди коня двух ремней, падающих с плеч, и двух ремней, идущих с боков, которое обычно закрывалось серебряной или золотой бляхой или большим полудрагоценным камнем (сердоликом, яшмою и пр.). Джига — плаомаж или султан, возвышавшийся на голове коня между ушей.

²⁸ Гиджим или куджим (в рукописи с огласовкою над первою буквою) — чепрак, поддеваемый под седло, покрывающий круп лошади и спускающийся почти до земли. Эти чепраки в Бухаре бывали обычно или бархатные, богато вышитые золотом или серебром, или, реже, парчевые; все они обшивались длинною шелковою бахромою; у лиц незначительного служебного положения чепраки отделялись канителью. Между прочим, обычно в Бухаре эти чепраки назывались даури (دوری), а не гиджим (куджим); последнее слово было в ходу в Ташкенте и в прилегающих к нему районах. В словаре обозначает боевой покров на лошадь, надеваемый в дни войны, что сбозначается также термином кэджим (کچیم, рифмующимся со словом قدیم). Вполне возможно, что автор переводимого текста имел в виду именно конскую броню прежде всего.

²⁹ Мне в точности не известно, что именно обозначает термин румикаш; я слышал лишь от одного из бухарцев Мирзы Махзума Мухаммеда, что этим термином, помнится ему, назывался наседельник (زین پوشی), надевавшийся на седло. У знатных и чиновных лиц он бывал из дорогой материи (может быть руми — красного цвета, из бархата и пр.) и богато отделялся золотом и драгоценными камнями.

³⁰ Запасная шашка; подвязывалась под стремя на случай поломки в бою шашки на поясе.

числяются в описи. Четвертая — диван, ведающий кладовой (دیوان توشکخانه);³¹ на обязанности его лежит регистрация разного рода вещей, поступающих в государеву сокровищницу и состоящих из постелей, оружия и т. п., а равно и учет их расхода.

Четыре других должности, менее значительных, чем поименованные, вроде: малый мушриф (مشرف خرد), писец свитков (بایگینویس),³² диван-махрамов³³ и диван есаулов,³⁴ совершенно ясно объяснены и не нуждаются в подробностях.

Письмоводителей (محور) тоже четыре: письмоводитель дивана государства (محور دیوان سرکار), письмоводитель по распределению амляковых земель (محور املاک),³⁵ записыватель текущих происшествий (واقعہ نویس)³⁶ и письмоводитель казначея.³⁷

Четыре других должности таковы. Существуют „опоры эмиров“, кои в присутствии государя ислама имеют определенные места для сидения; одна из таких „опор“ — аталык, что в переводе с турецкого значит [отцовство], сделать кого-либо таким, чтобы он был вместо отца (پدری کردن) за его расположение, ибо аталык по отношению к государю страны, а равно и ко всем его подданным, проявляет такое расположение, которое уподобляется расположению [и любви] отца к сыну. Функции этого лица состоят в следующем. Управление водами реки благородной Бухары [г. е. Зарафшаном] от Самарканда до Кара-куля³⁸ на основах

³¹ Собственно чиновник, заведующий складом постельных принадлежностей но, как видно из дальнейшего текста, помимо постелей, к нему поступало оружие и другие вещи, совершенно разного характера. Я поэтому перевел это общим выражением „кладовая“.

³² Термин пайгер обозначает в Бухаре длинный бумажный свиток (тумор), который состоит из нескольких листов бумаги подклеенных один к другому в виде длинной полосы, которая свертывается в трубку. Для прочности эти пайгеры нередко наклеивались на матерью и даже на кожу, причем один конец, откуда начинался текст, обычно имел длинную матерчатую или кожаную полосу для перевязывания такого свитка. Содержание таких пайгеров составляли: вакуфные грамоты (وقف نامه), — с наиболее значительных из них снимались копии для государственного архива и разных мест в других городах, чтобы, в случае утраты оригинала, последний мог быть восстановлен по сохранившейся копии, — родословные (شجره نامه) и пр.

³³ Диван махрамов, т. е. чиновник, ведавший перепискою по делам махрамов, придворных чиновников или, вернее, лиц дворцового ведомства, исполнявших разные мелкие обязанности. О них см.: Ханьков. Описание Бухарского ханства, стр. 185—186.

³⁴ Диван есаулов — чиновник, ведавший перепискою по делам есаулов или низших чинов, исполнявших перед кущбегием, кази-каланом, правителями областей и прочими высокими лицами обязанности представлять просителей, выполнять разного рода поручения и пр.

³⁵ Мухаррир-и-амлак был письмоводитель по части казенных земель, бывших в пользовании населения и называвшихся амлаками. О них подробности см. в вышеназванной моей работе „Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства“, стр. 9 и 25.

³⁶ Термин мухарр-р-и-вока'анавис обозначал письмоводителя, делавшего сводки ежедневных эмирских (ханских) осведомителей о всем слышанном и виденном ими за день среди народа. В позднейшей Бухаре в просторечии термин „мухаррр“ обозначал письмоводителя муфтия.

³⁷ Мне неизвестен этот термин и объяснить его на месте мне не могли. Едва ли здесь можно допустить наличие староперсидского گاب вместо گاو — корова, потому, что у властителей Бухары (по крайней мере последнего времени) никаких коровьих стад не было. Возможно здесь и описка переписчика.

³⁸ Кара-куль лежит к северу от станции того же имени Среднеазиатской ж. д. С этого места р. Зарафшан разбивается на множество мелких рукавов с озерами и болотами и, не доходя до Аму-дарьи, теряется в песках. В тексте совершенно правильно указаны те две точки (отправная и конечная), между которыми Зарафшан сохраняет все свое огромное значение для бухарского и самаркандского оазисов, как главная водная артерия.

равенства и справедливости и распределение этих вод, сообразно древнему обычаю, между благородными и простыми людьми от Самарканда с его туманом по четыре хазора Согарджа (چهارگانه ساورج),³⁹ по Миянкалю⁴⁰ и его туманом таково: „опора государства“, которую является великий аталык (آتالیق کلان), во время половодья (Зарафшана) или во время маловодья (در وقت نوبت بندبست) пропускает воду против Кермине через 21 струенаправляющую арку;⁴¹ [одна арка] или больше того воды доставляется [им] от Самарканда до Кермине, сообразно законной [для каждого общества] доли воды (حقیابه)⁴² во время половодья в таком же размере, что и при малости воды;⁴³ каждая из этих

³⁹ Термин хазора (по-бухарски) или хезэрэ означал местность, где второстепенный оросительный канал, отведенный от магистрального, орошал 50 тыс. танাপов земли, на доходы с которых мог бы содержаться отряд воинов в тысячу человек (см. об этом в приложении „К вопросу о значении некоторых терминов, употребленных в административном делении Мавэранныхра“, лл. 4—5).

Согардж (Согардж) — древнее и большое селение городского типа, лежавшее в долине Зарафшана, в окрестностях г. Иштихана (давно уже не существующего), примерно в 50 км (в пяти фарсангах) от Самарканда (к северо-западу от него). Процветания Согарджа относятся к эпохе узбеков (особенно джанидов), когда он был главным городом особого удела. Развалины Согарджа — в 4 км от сел. Янги-Курган. (В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 93, 130 и 523).

Здесь речь очевидно идет о районе Согарджа, который во время составления настоящего труда, надо полагать, включал значительную часть 6. района Иштихане, при самаядах простиравшегося на 5 дней пути в длину и на 1 день в ширину (ор. cit., стр. 98).

⁴⁰ В тексте میانکالات; также пишет это слово и автор упомянутого выше труда المطالع الفاخره. Он дает ему такое объяснение (л. 207б: „В древности между Бухарою и Самаркандом соорудили стену на протяжении 12 фарсангов; местность здесь была отлично возделана и орошена, имела множество селений и городов, вроде Хатырчи, Пенджшамбе, Кал'а-и-Дабус и др.; путь от Бухары до Самарканда в этих стенах совершали пешком в течение восьми дней; эту территорию называли „Миан-Калят“ (повидимому, арабская форма от старо-персидско о миан — середина и кал — место, т. е. место посредине (стен). В позднейшее время термин Мианкаль прилагался к долине Зарафшана между Самаркандом и Хатырчи; в Хатырчи два рукава Зарафшана, Ак-дарья и Кара-дарья, соединяются вместе.

⁴¹ В тексте равок или рав'ак (رواق); как термин орошения, это слово означает каждую арку, делаемую под кирпичным мостом или дамбою поперек реки в целях пуска речных вод по определенным направлениям. Эти струенаправляющие арки с верхним мостовым настилом для конного и пешего движения до сих пор сохранились в остатках по долине Зарафшана (начиная с так наз. „арки Тамерлана“ около Самарканда) и некоторыми исследователями ошибочно принимаются только за развалины мостов (См., напр.: Л. Зимиан. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью. Прот. зас. и сообщ. чл. Турк. кружка люб. археол. г. ХХ, Ташкент 1915; стр. 123—129). О постройке такой струенаправляющей арки на Зарафшане, подле Самарканда, имеются интересные подробности в рукописи شیبانی نامه Муллы Бенна (лл. 56а—58а по списку 1330/1912 г.). Шейбани-хан, лично руководивший строительством этого равока, закончил его в последний день месяца раби'ул-аввала (1 ноября 1502 г.). Эта арка была расположена, по словам инж. Б. Н. Кастальского, под углом в 107° к другой такой же арке (ныне разрушившейся), от которой вся плотина-мост шла прямой линией, параллельно современному железнодорожному мосту на Зарафшане. Таким образом это сооружение Шейбани-хана было и мостом, и водораспределяющей плотиной, направлявшей часть Зарафшана в Ак-дарью и Кара-дарью.

В тексте говорится о 22 струенаправляющих арках, но, полагая, что это ошибочно написано, я поставил в переводе, в соответствии с дальнейшим текстом, 21 арку.

⁴² Чисто бухарский термин хакоба (из арабского حق — истина, право и персидского آب — вода); означает собственно право на определенную долю воды целого общества или его отдельного члена.

⁴³ Вся фраза эта о доставлении воды от Самарканда до Кермине не совсем ясна для меня. Она в тексте читается так: پسله آنرا از سمرقند، گذرانیده، تا کر مینه موافق حقیابه در وقت بانداره نوبت در وقت قلت رسانیده شود. Несомненно, что перед پسله — из лишек, избыток — что-то пропущено; я поставил, как наиболее вероятные слова, одну арку, т. е. вода в количестве, проходящем

21 струенаправляющих арки несет воду в количестве, достаточном для орошения приблизительно 100 тыс. танапов земли; $\frac{5}{8}$ воды [пропускаемой через одну арку] аталык должен дать в соответствующей части Хазора (هزاره), что ниже Кермине, с Ташрабатом и восточнее его до подножия степи (تحت قير) с Узлушкентом (اوزلشکنت), Чаргавом и пр. [местами].⁴⁴

Один равок с четвертью воды другого равока он должен дать туману Шафурком [Шапуркам] с Амирабадом так, чтобы $\frac{3}{5}$ этого количества выделить Шофуркомскому населению, а $\frac{2}{5}$ Амирабадскому.⁴⁵ Один равок воды [аталык] должен дать в Харакан-руд, а два равока воды дать в должных частях туманам Комот (Камат) и Хутфар⁴⁶ упомянутым образом,⁴⁷ но чтобы $\frac{2}{5}$ всей воды получило население Комота, а $\frac{3}{5}$ — население Хутфара. Один равок воды с $\frac{1}{8}$ частью другого равока он должен дать туману Ком-и-Аби-Муслим,⁴⁸ причем так, чтобы входящие в состав этого тумана землешапцы взяли бы воды каждый по выделенной ему определенной части сообразно заселенной ими земли. Три равока воды забирает Шахр-руд;⁴⁹ однако туман Феравиз⁵⁰ и орошение земель по арыку Сан'-ан входит в оросительную систему [Шах-руда], поэтому $\frac{5}{8}$ воды одного равока забирает туман феравиз, как свою часть, из того, что выделено Шахр-руду. После чего одиннадцать остальных равочков воды пропускается через мост Пул-и-Михгер-Касим; каждый мост запирается в целях наиболее правильного распределения воды.⁵¹ Один равок с $\frac{1}{4}$ воды [целого равока] выделяется туману Самиджан,⁵² $\frac{5}{8}$ воды одного

через одну струенаправляющую арку или больше, доставляется от Самарканда до Кермине и т. д. И всю фразу сделал вводною, тем более, что она как-то не вяжется с предыдущей фразой, — сначала речь идет о воде, направляемой ниже Кермине, а потом упоминается об орошении того, что выше Кермине

⁴⁴ Все эти места существуют и теперь: сел. Хазора лежит на запад от Кермине, на левом берегу Зарафшана; Узлушкент и Чаргау (по современному произношению) — на том же берегу Зарафшана на ю.-в. и ю.-з. от Ташрабата.

⁴⁵ Шапуркам, или по-бухарски, Шофурком в позднейшее время назывался, по словам акад. Бартольда, Варданзи (Туркестан, стр. 116—117). Однако автор المطالع الفاخر отмечает Шапуркам, как туман, существовавший в 1333/1914—1915 гг. и добавляет, что его называют Кишлок-и-Калон, т. е. большое селение (المطالع الفاخره) л. 2036). Селение Варданзи находится километрах в 60 к северу от г. Бухары. Амирабад (на картах Амирават) лежит ближе к ж.-д. линии (на запад от нее), чем сел. Варданзи, находясь на с.-в. от г. Бухары почти в 40 км. В дальнейшем я позволяю себе вместо пространного „количество воды, направляющееся через распределительную арку“ писать сокращенно равоч (в бухарском произношении).

⁴⁶ Туман Камат (Комот) в последнее время назывался Вапкендом (وا بکنند) и лежит километрах в 25 к с.-в. от г. Бухары. Туман Хутфар (ختفر), теперь называемый Зиндани (زندانی — زندهانی), лежит километрах в 40 к северу от г. Бухары (مطالع الفاخره) л. 2036 и 213а, 218а.)

⁴⁷ Т. е. в пропорция $\frac{2}{5}$ и $\frac{3}{5}$.

⁴⁸ Кам-и-Аби-Муслим или, по-бухарски, Ком-и-Аби-Муслим, в последнее время назывался Ваганзи (وغانزی). Селение Ваганзи лежит по левую сторону Зарафшана в 6 км от ст. Кызыл-Тепе и километрах в 35 от г. Бухары к с.-в. от него.

⁴⁹ Шахр-руд (شهر رود), как уже сказано, — главный бухарский оросительный канал, сокращенно называемый Шахруд. Он отделяется от Зарафшана ниже сел. Ваганзи; место его вывода называется Банд-и-дуба (بند دو آب).

⁵⁰ Автор المطالع الفاخره не приводит этого названия. В древности существовали два Феравиза: верхний и нижний, находившиеся внутри великой стены Зарафшанского оазиса (В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 118).

⁵¹ Т. е. все его струенаправляющие арки, снабженные поднимающимися и опускающимися затворами, должны быть всегда закрыты, открываясь лишь на время пропуска положенной доли воды.

⁵² Туман Самиджан (سامجان) то же, что и Рамитан. Оба эти названия в Бухаре до сих пор употребляются, и часто про рамитанца говорят: „вай самиджани“ — он самиджанец. В соответствии с таким произношением, видимо, следует исправить принятое

равока дается половина хазора Калти,⁵³ что [в округе] Ваганзи, с того времени, как вода дойдет до Дехмуна и Ушава.⁵⁴ Два равока с $\frac{1}{8}$ частью воды целого равока должны быть даны туманом Хайрабад и Тараб.⁵⁵ После пропуска семи равоков с остальной водой через мост Пул-и-Чехар-Минар, $\frac{3}{4}$ воды целого равока должны быть даны хазора Шахр-и-Ислам, один равок с $\frac{1}{4}$ воды целого равока получают Махан [пропущено название] одной местности и Кул-и-Калан, поделивши воду по $\frac{1}{3}$ части [между собою]. За это время остается пять равоков воды, которые проходят через мост Пул-и-Джандар⁵⁶ и делятся [между населением] района Кара-куль. Такой порядок [водопользования] был в обычае у прежних омилей⁵⁷ и правителей областей и содержится в дефтерных записях древних государей.

Но если, вс левствие [разных] бедствий, уничтожение посевов повлекло бы выселение жителей данной местности [в другую сторону], то в таком случае, изменивши большую часть прежних порядков, ведающие этими делами... [Дальше нет окончания фразы и сразу следует, без всякой отметки, последующий текст].

Вторая должность⁵⁸ — великий диван-беги (دیوان بیگیء کلان), который ведает хараджем страны, определяемом термином му а з а ф⁵⁹ и является ответственным лицом за данные дефтерных записей.⁶⁰ Сообразно подсчету великого дивана и дивана по-танабных поступлений, он передает получение денежной наличности страны [образовавшейся из хараджных сборов] михтеру [государственной] кладовой (بمہتر توشکخانه), а сбор зерновых продуктов в натуре — амлакторам.⁶¹ Надзор за водопользованием в Кара-куле тоже поручен великому диван-бегию.

Третья должность — парваначи или парвоначи (پروانچی), который по высочайшему повелению доставляет ярлыки повелителя страны эмирам и великим людям, коим они пожалованы. Парвоначи принадлежит также управление арабским народом [проживающим в ханстве]. Четвертая

акад. Бартольд (Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II; стр. 101, 117, 120—121) чтение этого слова как Самиджен, которому следуют и другие (напр. Зимин, *op. cit.*, стр. 130).

⁵³ Калти, теперешнее селение на левом берегу Зарафшана, лежит в 14 км к северу от г. Бухары и в 30 км к ю.-з. от сел. Ваганзи.

⁵⁴ Повидимому, разумеется „древнее селение Дехмун в 2,5 фарсангах от Бухары, по дороге в Пейкенд“ (В. Бартольд, Туркестан, II, стр. 118). Ушава, вероятно, находилось (или находится) поблизости Дехмуна.

⁵⁵ Сел. Хайрабад лежит между р. Зарафшаном и Шахр-рудом в 10 км к ю.-з. от Ваганзи. Тараб известен теперь под именем Охугер (Ахугир) المطالع الفاخر (л. 2086).

⁵⁶ У сел. Джандар (по-бухарски Джондор), что на правом берегу Зарафшана, лежащего вблизи ст. Мурган Среднеаз. ж. д. Остатки этого вододелителя в виде моста с пятью арками между мощными быками сохранились до сих пор и известны под именем моста Абдуллы-хана. Их описал и сфотографировал Л. А. Зимин (см. его упомянутую выше статью „Отчет о двух поездках по Бухаре“, стр. 127—129).

⁵⁷ Амил (عامل), или по-бухарски омиль — сборщик налога на благотворительные цели, называемого вакат. См. подробности в моей работе „Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства“, стр. 43—44.

⁵⁸ Очевидно, после аталыка.

⁵⁹ См. прим. 15 к стр. 143.

⁶⁰ Последняя часть фразы для меня не ясна, и я даю здесь ее перевод по общему смыслу фразы, написанной с погрешностями против грамматики, именно: دیوان بیگیء کلان است کہ ضبط خراج از مؤظف و حامی کہ ما فی الضمیر (الظمیر بقبضه او ست

⁶¹ Амлакдар (по-бухарски амлактор, (املا کدار) — чиновник, ведавший сбором подати с амлаков, как с частных земельных имуществ. Об амлаках см. подробности в моей работе „Очерк поземельно-податного и налогового устройства...“, стр. 25 и 34—35.

должность — додхо или дādхāх (دادخواه); в его обязанность входит доставлять владельцу страны прошения обижаемых лиц и вручать им получаемые на них ответы.

Четыре других больших должности, кои относятся к самым близким [владельцу государства, таковы]: одна из них кукелташ (کوکلتاش), на обязанности которого лежит получение сведений со [всего] государства о друзьях и врагах и нахождение средств против последних; он также ведает шпионами. Вторая должность — великий ловчий (قوشیگی کلان), которому подчинены охотники со всем снаряжением для охоты, вроде охотничьих птиц, гончих собак и пр. Третья должность — великий инак (عناق کلان),⁶² который доставляет приказы государя чинам не эмирского сословия и тех шагирдпишэ,⁶³ кои будут удостоены собеседования с государем. Четвертая должность — великий евнух (حواءجۀ کلان),⁶⁴ который является главным над дворцовыми евнухами. На нем лежит окарауливание государева гарема и доставление в царский гарем пищи и платья и пр., что нужно [его обитательницам], согласно божественному закону.

Что касается мест нахождения [буквально стояния] подле властителя страны упомянутых лиц, то для них отведены определенные места.

Но эти чиновные лица (عملداران) стоят отдельно от сословия „людей пера“;⁶⁵ из последних только великий диван может выехать верхом из высочайшего дворца.

Существуют четыре других должности, исполнители которых тоже являются приближенными государя, временами выезжают из высочайшего дворца верхом с высочайшим повелением. Эти четыре должности следуют после должностей кукелташа, великого ловчего (куш-беги) и великого дворцового евнуха; занимающие их лица даже и стоят ниже этих чинов. Первая из этих должностей — малый инак (عناق خورد), вторая — великий михтер.⁶⁶ Если из какой-либо местности поступит [на высочай-

⁶² Автор пишет слово и так, как оно написано во многих исторических сочинениях и дипломатических актах Средней Азии — на персидском и турецком языках, т. е. производя его от арабского *عناق* — объятие, заключение в объятие, тесная дружба. Между прочим, хивинские историки XIX в. Мунис-Мираб и Мунис-Агехи пишут весьма последовательно *عناق* на всем протяжении своих объемистых трудов (см. их *فردیس* *اقبال* — *ریاض الدولة* в списках Гос. Публ. библ. Уз. ССР за инв. № 821 и 845). Другие пишут, как *ائناق* в том же значении, производя это слово, очевидно, от джагатайского глагола *ائناق* *اینا* *نمق* доверяя, верить, откуда *ائناق* значит „искренний друг, собеседник“, „достойный доверия человек“ и пр. (см. упомянутое *لغت چغتای* *و ترکی عثمانی*, стр. 62).

⁶³ Термин шагирдпишэ (*شاگردپیشه*), правильное шагирд-и-пишэ — „ученик в каком-либо ремесле или занятии“, буквально обозначал в Бухаре довольно многочисленный класс служилого сословия, представителя которого были без чинов и званий, находясь в услужении, для разных мелких поручений, при военно-административных чинах, вроде миров или хакимов, куш-беги и пр. За выслугу лет или за что-нибудь выдающееся в своей деятельности шагирдпишэ могли получать чины и тем самым переходили в сословие амалдоров, т. е. чиновных лиц.

В отличие от названия шагирдпишэ такие же служащие при сановниках из улема, вроде судий, верховного судьи, раиса и пр. назывались мулозимами (арабское *ملازم* — буквально: постоянно находящийся при ком-либо; состоящий на службе, в свите).

⁶⁴ Термин *ходжа* в значении евнуха в позднейшей Бухаре был неизвестен и этой должности не существовало, но в XVII в. он употреблялся (упоминается в *تاریخ مقیم خانای*).

⁶⁵ Т. е. последние ниже по своему положению, чем перечисленные чины, близкие к особе владельца страны.

⁶⁶ Можно было бы перевести по-русски и как „великий конюший“, но принимая во внимание, что основное значение этого персидского слова — большой, высший, что лица с таким чином в среднеазиатских ханствах занимали разные должности (смотря

шее имя] доклад или приедет посол [с письмом], то прежде всего написанное поступает в руки малого инака; последний, вскрывши пакет,⁶⁷ по приказанию государя передает его лично секретарю [монарха, мунши], который громким голосом читает содержание написанного. Обязанности великого михтера таковы: он ведает закатом,⁶⁸ взимаемым с мусульман с одной четверти ушра,⁶⁹ с зиммиев⁷⁰ — в размере половины ушра, а с покоренных силою оружия⁷¹ — в количестве целого ушра, а равно и найденными и неизвестно кому принадлежащими вещами, состоящими из разного имущества, денег в монете, скота, хлеба и зерна. Великий михтер должен собрать [все это] и употребить на издержки по разным расходам. Третья должность — диван кабинетских сборов (اراضی);⁷² он собирает доходы с государевых земель (ديوان سرکار), и с мельниц, и с лавок, состоящих в высочайшем ведении (سلطانى), для избранной благородной казны и производит из них необходимые, потребные государю, расходы; он также производит расходы на гардеробную (صندوقخانه), на угощение в дни высочайших аудиенций (طعام روز کورنشى) и т. п. Четвертая должность — дворецкий (دستورخانچى), на обязанности которого лежит накрыть [и приготовить для вкушения пищи] государев стол.⁷³

Четыре других должности дают право занимающим их лицам по временам сидеть в собраниях в высочайшем присутствии [владельца страны], как, например, великого начальника артиллерии (توپچى باشى بلان), ведающего арсеналом (توپخا نه), кутваля, ведающего [казенными]

по эпохе) от министра до казначея, что последующее определение обязанностей михтера исключает возможность его ведения делами государственной или ханской конюшни, я оставил этот термин без перевода.

⁶⁷ В Средней Азии никогда не запечатывали писем, прошений и пр. в конверты, имевшие нашу форму, а все написанное свертывалось в трубочку, которая обертывалась чистою бумагою так, что острый (треугольный) конец бумаги загибался сверху, подклеивался гуммиарабиком и припечатывался оттиском печати, налагаемом на месте, где лежал острый конец бумажной обертки. На последней писали краткий адрес. Это называлось по-бухарски лифофа (от арабского لفافه — обертка, покрывка).

⁶⁸ Термином закат (زکاة) обозначается специальный, установленный шариатом, налог в размере $\frac{1}{40}$ стоимости всякого облагаемого предмета. Закатные сборы шли на разного рода благотворительные и религиозно-просветительные расходы. Подробности о закате в Бухаре см. в моей работе „Очерк поземельно-податного и налогового устройства...“, стр. 43—48.

⁶⁹ Термин ушр (عشرا), т. е. десятина, $\frac{1}{10}$ часть, взимаемая по шариату с доходов, или сбор с земель мусульман в пользу казны мусульманского правителя. Приводимое здесь исчисление заката в размере $\frac{1}{4}$ части десятины как-раз и составит $\frac{1}{40}$ стоимости облагаемого предмета.

⁷⁰ Термин зимми (ذمى) обозначает подданного иноверца в мусульманском государстве.

⁷¹ В тексте для обозначения этого выражения стоит термин харбийан (حربیان), т. е. враждебные иноверцы, подлежащие подчинению или уже подчинившиеся мусульманам после победоносной войны.

⁷² Слово سرکار, обозначавшее в старом языке правительство и казну, в этом значении бухарцами позднейшего времени не употреблялось. Ввиду указываемой дальше компетенции этого дивана я позволил себе слово саркор перевести как кабинетские сборы, применительно к б. термину русского права — „кабинетские земли и имущества“, т. е. разного рода недвижимости, составлявшие собственность главы государства. Должность дивана кабинетских поступлений соответствовала позднейшей диван-беги. О ней см. в моей работе „Очерк поземельно-податного и налогового устройства...“, стр. 10, прим. 22.

⁷³ Термин дастурханчи повидимому соответствовал боярину-дворецкому Московской Руси (см. И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, II, М., 1915. стр. 369, сл.).

постройками и великого кухмейстера (بکاول کلان), заведывающего исправным состоянием государевой кухни (آشخانه خاصه); орошение [тумана] Самиджан также находится в его ведении.⁷⁴ Малый урак (اوراق خورو) исполняет обязанности мухтасиба среди сословия мулозимов при эмирах и [разных] великих людях,⁷⁵ несущих разные обязанности, вроде заведывающих обувью (کفش بیدار), головными покровами (عصابه دار) и пр. Служба чухра-акаси (چهره آقاسی)⁷⁶ заключается в отправлении обязанностей мухтасиба среди стремянных (جلوداران) в джилов-хане (или джилау-хона-خانه) ⁷⁷ Существоют четыре других должности, представителям которых не позволяется выезжать верхом из высочайшего дворца, вроде: 1) *главного хранителя* [высокого] порога (اشبک آقاباشی), на обязанности которого лежит охрана высочайшего дворца, когда там пребывает правитель государства; к сему еще добавляется [для него] управление туманом Шофурком и заведывание его оросительной системой; 2) *чагатай-беги*'я, который, будучи поставлен главою племени чагатай, управляет туманом Амирабад и заведует его оросительной системой; 3) *туксоба* (توقسابه), на обязанности которого лежит — ставить блюда с кушаньями (طبق مانی طعام) перед государем, а равно управление туманом Харакан с заведыванием его оросительной системой и 4) *великий конюший* (میراخور کلان), который, стоя при стремени государя, зорко следит за всем, что справа и слева, уподобляясь [порхающему] мотыльку. (Взято все это из книги „Собрание цифр“ [مجمع الأرقام], Мирзы Бедий'-йи-Замана“).

Приложение

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯВШИХСЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ДЕЛЕНИИ МАВЕРАННАХРА

В рукописи труда Алишера Навои مجالس المغائس („Собрания знаменитостей“), датированной джумади-ус-сани 1268 г. (март — апрель 1852 г.) и находящейся в Гос. Публичной библиотеке УзССР, я обратил внимание на любопытную запись (на л. 427^а), в которой изложено объяснение терминов административного деления мусульманских государств вообще и Мавераннахра в частности, в связи с орошением определенного количества земель. Даже больше того: эта терминология, по данной записи, зависела от количества орошаемой земли в пределах той или иной территории.

⁷⁴ В тексте одна должность пропущена. Дальше идет перечисление должностей третьестепенного значения.

⁷⁵ О мулозимах см. в прим. 63.

⁷⁶ Чухра-окоси (по бухарскому произношению) дословно — начальник придворных пажей; иначе он назывался чухра бко ббши (چهره آقا باشی).

⁷⁷ Джиловдары исполняли обязанности такого рода: когда сановник садился на коня, то джиловдар держал коня за поводья; когда высокопоставленный всадник слезал с коня, джиловдар поддерживал его и принимал от него лошадь. В городах, служивших резиденциями миров, т. е. окружных правителей или наместников эмира, существовали, как и в Бухаре, цитадели или поместному арк'и, где жил мир или хаким. Приезжавшие к нему по делам разные служащие и прочий люд обычно оставляли своих лошадей вне цитадели, а сами шли туда пешком. Оставляемых лошадей принимали стремянные (*джиловдары*) и устраивали им проводку до выхода из арк'а их владельцев. Эти джиловдары жили тут же в особом помещении, находившемся вне цитадели и называвшемся *джилов-ханэ* или по-бухарски *джилау-хона*.

Так как в конце записи есть ссылка, что все эти данные находятся в труде رسالة مجموعة ارقام, и в его сокращенной редакции, а последняя хранится в богатом рукописном собрании Гос. Публичной библиотеки УзССР (рукопись مجمع الادقار, инв. № 2463), то текст записи я сличил с тем, который помещен в упомянутой рукописи (лл. 6б, 7а) и в некоторых немногих местах исправлен по ней. Ниже привожу его в переводе с персидского.

Текст этот интересен и важен для уяснения принципов государственного деления среднеазиатских стран (бухарского ханства особенно) и построения в них податной системы; поэтому этот текст и является предпосылкой для последующего содержания труда مجمع الادقار, представляющего руководство к ведению дефтерных (поземельно-податных) записей, к составлению рукописей по расходованию пожалованных земель в виде танхо и суюргуля, и пр. и пр., что необходимо было знать бухарским чиновникам, ведавшим в разных диванах финансово-учетными и расчетными операциями.

Переходя к самой терминологии, мы должны заметить, что в ней можно найти и отражение далекой эпохи арабского владычества, когда вводились все нивелирующие стабильные формы мусульманского права, охватывающие государственную и частно-правовую жизнь завоеванных провинций; есть в этой терминологии и нечто от эпохи монгольского нашествия: по крайней мере термин туман в значении десяти тысячного отряда, хэзарэ в значении отряда в тысячу человек и др. напоминают о делении войск Чингиза.

Осмысление и уточнение этой терминологии по признаку количества орошенной (поливной) земли весьма важно для работы над местными вакуфными документами (вакф-намэ), купчими крепостями (васика) и прочими актами государственного и частноправового значения. Эта терминология встречается почти целиком в каждом из этих документов, независимо от того, был ли он составлен для какого-либо района к северу от Сыр-дарьи, или по берегам Аму-дарьи, или, наконец для территории, лежащей между этими реками. Богатейшее собрание этих документов (в подавляющем большинстве на персидском языке), хранящихся в центральном архивном управлении УзССР, подтверждает это положение.

В заключение позволю себе отметить, что в конце упомянутой выше записи приведены строки, по существу не относящиеся к нашей теме. Я не счел себя вправе их опустить, так как они ценны для уяснения некоторых черт быта и церемониала ханских дворов Средней Азии.

ПЕРЕВОД

„...Область, где имеется правитель (حاكم) и откуда получается достаточно войска, называется вилайет, но если бы взяли [и отвели] из реки (داريا) большой оросительный канал (ناهر) так, чтобы количество орошаемой им земли достигло ста тысяч танабов,¹ такая

¹ Танаб — (собственно веревка) мера для измерения земли. Размеры танаба были различны, в зависимости от местности и эпохи. Танаб шариятский равнялся джарибу, который состоял из 160 × 60 (3600 кв. гезов), но так как гез в одних случаях приравнивался к локтю (10,5—11 вершков), а в других — метру, а иногда и к большей мере протяжения, то и размеры танаба были различны. К моменту завоевания края царями танаб был равен: в Бухаре (вместе с Самаркандским районом) 600 кв. саж., в Ташкент-

территория будет называться туман (тюмен).² Если же был бы отделен [от магистрального арыка] оросительный канал и он оросил бы пятьдесят тысяч танабов земли, то эта местность станет [тогда] называться хэзарэ, потому что с пятидесяти тысяч танабов земли достаточно получается [доходов] одному газию.³ Если же будет сделано ответвление от вышеназванного побочного оросительного канала, так что [этот арык] оросит двадцать пять тысяч танабов земли, то территория станет называться нимхэзарэ.⁴ Если же [арык] орошает десять или пятнадцать тысяч танабов земли, то такую площадь называют абхуром [т. е. орошенной территорией] такого-то города. Если же будет селение (ده — дих), территория которого достигает четырехсот танабов [орошенной] земли, то [такое селение] называется [арабским термином] карйа.⁵ Если упомянутые пространства будут населены и если [таковых земель] будет триста танабов или меньше, то это называют мазраа [поле] вне зависимости, впрочем, от того, будет ли оно населено, или нет.⁶

ском (Курамвинском) округе 400 кв. саж., в Хивинском оазисе — 900 кв. саж., причем там, наряду с этим, так сказать повседневно-хозяйственным танбом, существовал также танаб в 40 кв. саж., о котором упоминал еще в начале 70-х годов прошлого века Ибрагимов (см. его статью „Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах“ в „Военном сборнике“, 1874, № 9, стр. 135).

² Термин туман (тюмен) в монгольском языке означает десять тысяч и, как военный термин, до эпохи тимуридов включительно означал отряд (кавалерии) в 10 000 чел. В смысле территориальном этот термин обозначал район, который мог выставить десять тысяч воинов (برهان قاطع I, Лукников, 1887; Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1839, стр. 406). Из сопоставления данного места записи с последующими строчками, говорящими о тысяче (хэзарэ), можно думать, что территория в сто тысяч танабов орошенной земли называется потому туманом, что на поземельные налоги с него мог содержаться отряд в десять тысяч человек. Деление на туманы Бухара сохраняла до последних дней эмирата. Словом, в XIX в. было то же, о чем говорил в XVI в. Бабур: „В Самарканде, в Бухаре, а также в этих местах [в Кабуле] районы, входящие в одну большую область, называются туманами, каковую делению в Андижане, Кашгаре и в местностях между ними соответствует деление на орчины, а в Индостане — на пергэнэ“ (Бабер-намэ, изд. Н. Ильминского, Казань, 1857, стр. 161).

³ Здесь, видимо, переписчик пропустил слово „тысяча“, т. е. следовало бы „для одной тысячи газиев“. Термин газии означает воина, сражающегося за мусульманскую веру. Ср.: В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, стр. 221, сл.; А. Якубовский. Махмуд Газневи. В сб. „Фердовси“, Л., 1934, стр. 63—64.

⁴ Т. е. полтысячи, очевидно в зависимости от того, что на доходы с налога на 25 000 танабов земли может прокормиться отряд в пятьсот газиев.

⁵ В арабском языке слово карйа (قرية) означает селение, являясь синонимом персидского дих; но в Средней Азии этим термином первоначально (после арабского завозвания) обозначались повилимому селения определенной земельной смости. В северном Афганистане, например, до сих пор термин карйа широко распространен в административном обиходе для обозначения понятия „селение“ и „деревня“, отсюда — сельский староста носит название карйа дар. (см. по этому вопросу сведения в разных местах в книге Бурхануддин-хана Кушкеки *راهنمای قطعن و بد حشاش یعنی ملخص سفر نامه سنه ۱۳۰۱ سپهسالار غازی سردار محمد نادر خان و زیر حریبه* مری تبة جناب مولوی برهان الدین خان کشکی; см. также русский перевод под редакцией А. А. Семенова „Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения“, Ташкент, 1926). Однако ни в Бухаре, ни в Хиве, ни в Фергане в начале XX в. термин карйа не употреблялся в народном обиходе; им широко использовались лишь в официальных документах, связанных с земле-водопользованием, например, в вакф-намэ (в вакуфных документах), в относящихся к ним инайет-намэ (жалованные грамоты ханов и эмиров), в васлаках (купчих крепостях) и пр.

⁶ Арабский термин мазраа (مزرعة, мн. ч. مزارع), обычный в вакуфных документах, в жалованных и других грамотах обозначает пахотные земли или вообще обрабатываемые поля, принадлежавшие к тому или иному селению.

Однако в Мухите (محيط)⁷ и в других сочинениях упомянуто, что термин карйа соединяется только с понятием населенности (عمران). Поэтому неправильно отождествлять его с виноградниками и имениями (كروم و ضيعة), разве только в том случае, когда виноградники и имения будут [в составе] населенных земель. Город есть имя населенному месту, и не сходились между собою шейхи в отношении обобщения [названия] „Бухара“ с населенной территорией и ненаселенной или [только с одной] населенной. Посему решение [по данному вопросу] в наше время таково, что [Бухара] есть название населенной культурной местности, но такое название, как Шам означает область [ولاية و فيلايت] так же, как Хорасан, точно также как Армения, Фергана и Согд.⁸ В [труде Захири]⁹ сказано, что Самарканд и Узденд اوزجند¹⁰ представляют названия отдельных городов, а Согд, Фергана и Фарс суть области с большими городами и селениями [буквально: „большие города и селения“].

Приписка к этому в вышеупомянутой записи рукописи مجالس النفاثس такая: „Относительно пожалования государями подарков: первыми дают их своим ближайшим слугам [махрамам], затем жалуют их военным улемам [очевидно, кази-аскеру или военному судье, муфтию, аламу войск и пр.], потом эмирам правой стороны, затем эмирам левой стороны,¹¹ а после этого [прочим] витязям [мубаризам; подробности см. в رسالة مجموعة ارقام и в сокращенной редакции его]. Окончено в 1268/1851—1852 г.“.

⁷ Имеется в виду, может быть, сочинение ал-Мухит'ул-Бурхани по мусульманскому праву, принадлежащее перу Бурхануддин-Махмуд-б-Ахмед-б. ас'Садр-аш-шахид-ал-Бухари (ум. около 570/1174 г.) или аналогичный ему труд Мухит-ус-Сарахси, Радиуд-дин-Мухаммед-б. Мухаммед-ас-Сарахси (ум. в 544/1149 г.) *Haja Khalfa, كشف الظنون*, vol. V [od. Flügel], стр. 431—433; Brockelmann. *Geschichte der arabischen Literatur*, I, стр. 374—375). Оба эти труда пользовались в Средней Азии в прошлом большим авторитетом при разрешении юридических вопросов.

⁸ Т. е. автор хочет сказать, что понятие Бухара (как города и его района) в смысле территориальном обозначает лишь культурный, населенный и возделанный округ или район, тогда как такие большие территории, как Сирия, Хорасан, Армения, Фергана и Согд (т. е. долина Зарафшана с прилегающими к ней орошенными культурными районами, среди которых был и Бухарский), суть обширные области (вилайеты).

⁹ Возможно, что в данном случае разумеется труд бухарского казия и мухтасиба Захируддин-Абубекр-Мухаммед-б-Ахмеда (ум. в 619/1222—1223 г.) *Haji Khalfa*, op. cit., v. IV, стр. 362.

¹⁰ Узденд, т. е. Узгенд в Фергане, бывший при первых караханидах, в X—XI вв. н. э., столицей Мавераннахра и остававшийся значительным и цветущим городом и в последующее время.

¹¹ Здесь очевидно предпочтение отдается правой стороне перед левой. Однако исторический памятник XVII в. Махмуда б.-Эмир-Вали свидетельствует о том, что в ту эпоху у узбеков левая сторона предпочиталась правой потому, что „сердце на левой стороне“. Ср.: В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Зап. РГС по отд. этн., т. XXXIV, стр. 301, сл.